

Блеченке к миру

Как страшно этот мир меня влечет!
Все в мире знаю я наперечет.

Все войны знаю — лишь не помню дат
И мест сражений, и числа солдат.

Я все деревья знаю, все цветы,
Всех тварей глубины и высоты.

Я лучше Брема знаю, что и как
Среди волков, жирафов и макак.

Не помню лишь страдов и имен —
Язык названий для меня мудрен).

На все вопросы знаю я ответ.
Пснятен мне любой предсмертный бред.

Я знаю, что почувствовала мать,
Которой вышло сына потерять.

Я знаю, что испытывал палач,
Когда катилась голова, как мяч.

Огонь азарта мне постичь дано,
Горящий в Монте-Карло а казино.

Все помыслы открыты для меня,
Как тайны леса в ярком свете дня.

И в лабиринтах непроглядных душ
Прескальзываю, словно юркий уж.

Лишь одного я не пойму никак:
Друг говорит со мисю или враг.

П Е С Н И

...Я поплыву в такой же сизой мгле,
Из-под небес по-птичьей слякочкой
Всех тех, кого оставил на земле.

/песня "Журавли"/

Когда детей в ирешенш кроватьку, как на сушу,
Из моря игр танцу и свет тушу,
Я им пою "Землянку" и "Катюшу",
И - по заказу - песню "пре душу".

"Смотри, смотри, душа моя открыта", -
Я вывожу, во тьме едва видна.
Приняв таблетку от радикулита,
Пишу: "Бставай, огромная страна".

В далекий край товарищ улетает,
И только пули свист - в ночной степи,
Пыль да туман, и огснек мерцает,
Матвейка, спи, и Митя тоже - спи...

Три черных диска были в том наборе
И стояли четыре шестьдесят.
Сказала "завтра", чтоб уменьшить горе
Всенних песен жаждущих ребят.

Однажды наступило это завтра,
И, мелочью взволнованно звеня,
Платила я, и как на динозавра
Смотрела продавщица на меня.

Любви детей пластинка не снискала,
Как видно не хватает в ней души.
Лишь моего вокала и накала
Хотят немеломаны-малыши.

В далекий край товарищ улетает
/На это столько надсебно трудов!/,
И яблони и груши расцветают
/Что ж в магазине нету их плодов?/.

Отвергнувшая все — куда уж дальше! —
Я ЭТИ песни и люблю и чту
За их — в сентиментальности и фальши —
Високою, как ветка, чистоту.

И страшно, что "когда наступят сроки",
Смы не останется "каким он был" —
Захоронит будущие реки,
Грядущий ритм и бездуховный пыл.

Магнитофонной монотонной стужей
Пленятся, как мой бывший муженек,
И тайный, дальний, хрупкий, неуклюжий
Погаснет мной зажженный огонек.

Не крутятся пластинка непростая,
Летят во мгле покойный Марк Бернес,
Настейчиво и нежно оклякая
Меня из-под небес, из-под небес.

О Д Н А

Я живу сейчас одна.
Чистота и тишина.

Страшно, страшно понимать
То, что я плохая мать.

И совсем уже невмочь
То, что я плохая дочь.

Сжался, Боже, надо мной:
Я плохой была женой.

И, наверное, сисхой
Я была совсем плохой.

Я, конечно, создана,
Для того, чтоб жить одна.

П Л Е Н К А

За этой суматохой, спешкой, гонкой
Мне с жизнью просто некогда дружить.
Как будто все кругом покрыто пленкой
Усталости и нежеланья жить.

Особенно крепчает эта пленка,
Когда в тридцатиградусный мороз
Я вижу исхудалого котенка,
Что к батарее лестничной прирос.

Особенно тончает эта пленка,
Когда удачно сложится стихок
Иль сонного тяжелого кулечка
Высаживаю ночью на горшок.
